

максимальной программой невозможно. Так как наборы на подфаки проводятся сейчас почти всеми вузами на контрактной основе, то некоторые вузы, чтобы сэкономить деньги, снижают количество часов. Это ни в коем случае нельзя делать, ибо мы снижаем уровень подготовки. Нужно сделать так, чтобы все играли по одним правилам: 1) сроки окончания занятий на подфаке; 2) количество часов. Я понимаю, что существует такой юридический аспект, как автономия вуза. Но для пользы дела мы должны быть едины в требованиях к подфакам. Одним из важных аспектов является прием на I курс. Здесь тоже должно быть единство — нельзя без сертификата подфака принимать, а это, к сожалению, некоторые вузы делают. Я думаю, что старые отраслевые стандарты по приему в вузы иностранных граждан должны быть реанимированы. Особенно это касается новых подфаков и отделений. Единным должен быть и ввод профильных предметов на подфаках, а у нас сегодня каждый подфак идет своим путем. Существует проблема и срока обучения на подфаке — 7—10 месяцев. Конечно, не должно быть меньше 7 месяцев. Но все мы заложники сегодняшней финансовой зависимости. И время диктует требования. Я имею в виду организационные моменты в работе подфаков. Должен быть создан координационный центр в Минвузе, чтобы все вузы работали по единым документам. Если сегодня существует Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка как иностранного и созданы единые программы по русскому языку, то у преподавателей профильных дисциплин нет ничего единого: никакого обмена опытом по программному обучению, по учебникам, по методике обучения.

Если мы думаем не только о финансовой выгоде вуза, а еще и о престиже нашей системы образования, то надо, чтобы были единые документы, нормирующие довузовскую подготовку; должна быть отработана система приема, программы подфаков.

И.Э. Федотова

Минск (Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ (ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ)

В последние десятилетия в связи с политическими, экономическими и социальными изменениями происходит быстрое обновление лексики современного русского литературного языка, ее интернационализация.

Как известно, пополнение лексики любого языка идет путем создания новых слов с помощью аффиксов, в результате изменения привычных значений слов, путем заимствования лексики из других языков.

При этом внутри самого русского языка происходит значительная перегруппировка лексики по стилям.

По мнению Президента МАПРЯЛ Л.А. Вербицкой, сегодня “две беды”: заимствования в огромном количестве и господство сниженных пластов лексики: “исчез высокий стиль, его место занял средний, а низкий вошел в повседневную жизнь”. Этому же мнения придерживается и известный исследователь В.В. Колесов, утверждающий, что верхний стиль (“сакрально-возвышенный”) разрушен и подменяется иноязычным словом, потому что еще с петровских времен иноязычное слово как непонятное относилось к высокому стилю.

Суждение о том, что “засилие чужезычных речений не грозит нашему языку”, вполне справедливое лет 20 назад, ныне, к сожалению, далеко от истины. Скорее мы должны говорить об экспансии заимствований, ибо улицы наших городов пестрят иноязычными рекламами и вывесками. А великое множество оправданных и неоправданных заимствований (*интенция, эксклюзив, саммит, инсталляция, дилер, постер, масс-медиа, шоп и т.п.*) и разного пода плеоназмы (*другая альтернатива, важнейшие приоритеты, согласительный консенсус*) вызывают тревогу у носителей языка. Поэтому засилие иноязычной лексики, преимущественно англо-американской, в разных жанрах и стилях современного русского языка безобидным уже никак не назовешь. По утверждению той же Л.А. Вербицкой, “помимо лексических заимствований у нас появляется даже американская интонация”. Этот поток может быть сравним с французским языковым наводнением в 18 веке.

Свобода слова в ее прямом и переносном смысле, эпоха свободного употребления языка на TV, на газетной полосе привели к проблеме языковой нормы, которая из чисто лингвистической переросла в «социолингвистическое и социокультурное явление».

Но тем не менее процесс заимствования и активизации ранее заимствованных иноязычных слов — один из наиболее социально значимых и вечных языковых процессов. И нередко вокруг тех или иных заимствованных слов возникают острые дебаты. Характерно это не только для нашего времени. Достаточно вспомнить споры Карамзина — Шишкова, высказывания Даля, Белинского, А.Н. Толстого.

Главным условием заимствования традиционно считается наличие контакта языка-реципиента с языком-источником.

Однако это условие заимствования не следует понимать только как результат территориального контакта двух народов. Осознание своей страны как части цивилизованного мира, преобладание интегрированных, объединительных тенденций, смещение акцентов на общечеловеческие приоритеты, сотрудничество в области экономики, науки, культуры, спорта и т.д. — все это в конце 20 века послужило стимулом для распространения иноязычной лексики.

Сейчас основным путем перехода слов из одного языка в другие является текст. Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод, комментирование иностранной научной и публицистической литературы, участие в международных конференциях, конгрессах, симпозиумах, участие в совместных научных и технических проектах и т.п. соз-

дают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии.

Кроме того, само общество должно быть готово к принятию иноязычных средств коммуникации. Достаточно вспомнить 40-е годы — время «борьбы с космополитизмом», когда сознательно и целенаправленно предпринимались попытки освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов.

Причины заимствования достаточно хорошо известны. Это

- потребность в наименовании нового явления, вещи и т.п. (*грант, дайджест, гамбургер, блейзер, компьютер, модем и т.п.*);

- необходимость в разграничении содержательно близких, но все же различающихся понятий (*уют — комфорт, страх — паника, обслуживание — сервис, сообщение — информация и т.п.*);

- необходимость специализировать понятия в той или иной сфере, для тех или иных целей (*предупредительный — превентивный, киллер — наемный убийца, имидж — образ, обмен, вывоз — экспорт*);

- эвфемистические замены как более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика. Чаще всего эти замены производятся в области анатомии, физиологии, медицины (*канцер — рак, педикулез — вшивость, селадон — бабник, либерализация (цен), деструктивный — разрушительный*);

- тенденция к замене словосочетаний однословными наименованиями (*саммит — встреча в верхах, йети — снежный человек, ноу-хау — новые передовые технологии, электорат — совокупность избирателей, сейф — несгораемый шкаф и т.д.*);

- социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие иноязычного слова как более престижного по сравнению с исконным, «красиво звучащего», «ученого» и т.п. Этот фактор оказал определенное влияние на активизацию употребления таких слов, как *презентация* (представление), *эсклюзивный* (исключительный).

Большая социальная престижность иноязычного слова вызывает явление, которое исследователь Крысин назвал «повышением в ранге»: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке становится более значимым (фр. «*бутик*» — *лавочка, небольшой магазин, в русском — магазин модной одежды*);

- наличие в языке сложившихся систем терминов, более или менее однородных по происхождению (идиолекты). Интенсификация коммуникационных контактов носителей русского языка с носителями иных языков явилась важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из других языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным, чаще созданным на базе английского, идиолектам, принятым в той или иной социальной среде: профессиональные «языки» специалистов по вычислительной технике, коммерсантов, спортсменов, специалистов в области моды, музыкантов, политиков, деятелей культуры и т.д. Например, терминология вычислительной техники, которая сложилась на базе английского языка, легко пополня-

ется новыми терминами английского происхождения. Это же относится и к спортивной терминологии, и т.п. Вообще влияние лексики английского языка, главным образом в его американском варианте, на современный русский язык является преобладающим;

- коммуникативная актуальность обозначаемого понятия. Сравните разную актуальность в разные периоды таких терминов, как материализм, диктатура, плюрализм и т.п. Очевидно, что если понятие затрагивает жизненно важные интересы многих людей, то и обозначающее его слово становится употребительным. Это закономерно в отношении любых слов, но в отношении иноязычных слов это особенно зримо, поскольку здесь добавляется еще и фактор социальной престижности иноязычного наименования.

Частотность в речи иноязычных слов, обозначающих коммуникативно важные понятия, в определенные периоды становится необычайно высокой, они легко образуют производные слова, сознательно употребляются и обыгрываются, используются в каламбурах и т.п. (Например слово *приватизация*: *приватизировать*, *приватизированный*, *приватизатор*. Намеренно искаженная форма используется для снижения социальной значимости обозначаемого: *прихватизация*, *прихватизаторы*).

«По моде дня» английские слова заимствуются даже тогда, когда есть не менее точные русские эквиваленты: *конверсия* — *преобразование*, *стагнация* — *застой*, *имидж* — *образ*, *коттоновый* — *хлопчатобумажный*, *коррупцированный* — *продажный* и т.д.), немецкие (*бутерброд* — *сэндвич*, *шлягер* — *хит*, *прейскурант*, *тариф* — *прайс-лист*). Сопоставляемые аналоги, конечно, не воспринимаются как вполне равноценные синонимы (например *имидж* и *образ*). Интересно соотношение более позднего заимствования *спонсор* и давно известного *меценат*. Слово «*спонсор*» и производные от него связывают с юридическим лицом, желающим получить прибыль от своей благотворительности в виде освобождения от налогов или в виде рекламы. Слова же «*меценат*» и «*меценатство*» ассоциируются с бескорыстной поддержкой преимущественно отдельного лица. Но, как считает академик В.Г. Костомаров, дело в том, что не предпринимаются и попытки развить в русских аналогах нужное значение (как, например, в словах «*тонкий*, *утонченный*» было развито значение «*рафинированный*»).

В результате создается избыточность наименований, что нарушает ономаσιологическое развитие и противоречит коммуникативной целесообразности. Параллели с не очень ясной семантической дифференциацией снижают порог понимания текста и вызывают справедливое возмущение у читающих и слушающих.

Интересен взгляд со стороны на заимствования в русском языке. По мнению американских ученых, одна из причин такого массового заимствования — обилие в русском языке приставок и суффиксов, что очень подходит для восприятия словесного импорта.

Со временем общественная актуальность понятия может утрачиваться и, соответственно, угасает коммуникативная активность обозначающего это понятие слова. Так случилось с пресловутым словом *кон-*

сенсус, которое буквально не сходило со страниц газет и уст политиков в самом конце 80-х годов прошлого века и в процессе этого широкого употребления потеряло свою терминологическую определенность.

К числу особенностей функционирования иноязычной лексики в современном русском языке относятся две противоположные тенденции:

1 — новое заимствование или термин, до этого известный главным образом специалистам, употребляется без перевода, каких-либо комментариев, оговорок и т.п., как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию аудитории;

2 — такие же слова и даже давно функционирующие в русском языке заимствования могут становиться объектом комментариев и авторских рассуждений.

Подтверждением первой тенденции является употребление ряда коммерческих и финансовых терминов: *бартер*, *брокер*, *инвестиция*, *клиринг*, *дилер*, *дистрибьютер* и др.; политических, дипломатических, медицинских и т.п. терминов: *импичмент*, *уотергейт*, *лобби*, *инаугурация*, *акупунктура*, *фобия* и т.п.

Никогда прежде так широко не вливалась в общий речевой оборот иноязычная лексика, обозначающая реалии, которые до недавних пор считались принадлежностью иного мира. Теперь же эта лексика наполняется своим, «отеческим» содержанием: *казино*, *крупье*, *гастарбайтер*, *кабаре*, *мафиози*, *наркомания*, *порнография*, *порнобизнес* (плюс образования, созданные на русской почве: *порнуха* и т.д.).

Для наших дней также характерно употребление иностранных слов и оборотов в качестве названий газетных рубрик, заголовков статей и т.д. Например названия телепередач *“Бомонд”*, *“Пресс-клуб”*, *“Пресс-экспресс”*; рубрики в газетах: *“Ню-хау”*, *“Брифинг”*, *“Презентация”*, *“Криминал”*.

Вторую тенденцию можно проиллюстрировать разного рода авторскими комментариями к употребляемой иноязычной лексике.

В период вхождения иноязычного слова в речевой оборот часты случаи перевода, разъяснения: *“Каждый в Латвии знает сегодня значение слова “апатрид”*. Это человек, не имеющий гражданства” и *“Это слово стало обиходным для народов десятков стран мира. Дословно “зомби” означает “живой труп”*.

Иногда такой перевод осуществляется с помощью другого иноязычного слова, чуждость которого говорящими уже не ощущается. *“Спонсоры, или, по-русски говоря, меценаты”*.

Одним из свидетельств вхождения в русский язык иноязычных слов и их широкой употребительности является перенос, метафорическое использование их в необычных контекстах: *телевизионный марафон*, *реанимация экономики*, *ангажированная пресса*, *политический бомонд*, *стагнация души* и т.д., в лозунгах, призывах, словосочетаниях — клише: *“Скинхеды как зеркало экономики”*, *“Тихий рэкет костей не ломит”*.

Создается впечатление перенасыщенности современной русской речи иноязычными словами. Носители языка протестуют против “засилия

иностранщины". Известный лингвист Ю. Караулов подчеркивает, что "внедрение иноязычных слов идет от лености ума, консерватизма мышления говорящего и пишущего, от нежелания "расторгнуть" ресурсы родного языка и заглянуть в его запасники". Иногда идет от стремления к элитарности в тексте, от гордыни знающего иностранные языки перед незнающими их. Это относится прежде всего к "полуобразованному типу владения языком". В последние годы появился термин "интержаргон", который обозначает живущий в молодежном кругу сленг.

Некоторые исследователи считают, что надо говорить не о засилии, а о известной распространенности иноязычных слов по функциональным стилям и речевым жанрам. В наибольшей степени ими насыщены газетные и журнальные тексты, в особенности те, в которых говорится об экономике, политике, спорте, искусстве, моде. Но, например, в статьях, посвященных бытовым проблемам, новые заимствования достаточно редки. В устной публичной речи (радио- и телеинтервью, выступлениях политиков) употребление заимствованных слов — неологизмов чаще, чем в письменных текстах, где оно сопровождается оговорками типа: так называемый, как теперь принято выражаться и т.п.

Обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов, что понятно: являясь по большей части словами книжными, заимствования употребляются главным образом в жанрах книжной речи.

Но, тем не менее, процесс заимствования вечен и при многих издержках плодотворен. В целом иноязычное слово — нормальное явление, и без них трудно приобщиться к мировой культуре. Как заметил еще А.С. Пушкин, русский язык снисходителен к чужим словам, "переменчив и общителен", способен принять многое, сохраняя самого себя. Кроме того, иноязычные слова содействуют интернационализации — процессу, несомненно, прогрессивному, пока он не покушается на этническую самобытность. "Справедливо, что "свое не полюбишь — чужого не поймешь". Но верно и то, что, не полюбив чужого, трудно понять свое" (В.Г. Костомаров). Разумеется, иноязычные слова засоряют речь, особенно если есть очевидные русские аналоги, если значение их неясно, когда их употребляют ради моды и в результате плохого знания родного языка, без надобности или чтобы "замаскировать псевдоученостью недоумие".

Как и в предшествующие этапы развития русского языка, так и сегодня следует говорить об уместности и мере при употреблении иноязычной лексики. Главными критериями здесь служат языковой вкус и речевая культура. Для эффективности общения неважно происхождение слова, важно то, насколько хорошо выражает оно нужный смысл и насколько понятно собеседнику. Если двум этим целям успешно служит иноязычное слово, его употребление естественно и необходимо. Если же родное, исконное лучше, точнее, выразительнее иностранного, то ответ очевиден.